ТОТАЛИТАРИЗМ и тоталитарное сознание

ВЫП. 2

Томский областной антифашистский комитет
ТОМСК — 1998

С.Г. Ким

Опыт исторической науки Германии в преодолении авторитарного сознания

После окончания второй мировой войны немецкое общество, как известно, в большей своей части испытывало желание отдалиться от собственной истории, которая связывалась прежде всего с проблемами коллективной ответственности и вины за преступления фашизма и даже личной причастности к ним. Такая ситуация с неизбежностью сопровождалась изменениями в массовом историческом сознании. Если в Восточной Германии новая эра построения социализма началась с нулевой отметки, а все население в одночасье было объявлено народом-антифашистом, то в Федеративной республике осмысление причин и результатов «коричневого двенадцатилетия» происходило более болезненно.

В первые послевоенные годы в западногерманской историографии, где доминировали чувства растерянности и своеобразного шока, происходили сложные процессы. Духовный климат поверженной Германии во многом определил направление «критического пересмотра прошлого», который признавался столь необходимым в эти годы. Несмотря на то, что определенная часть ученых и, прежде всего, представители беллетристики и историко-политической публицистики в первые послевоенные годы занимались проблемами фашизма достаточно интенсивно, однако их исследования, как оказалось, были интересны лишь профессионалам и отчасти политикам, но отнюдь не широкой публике. Глубокий кризис и пессимизм общества склонили большинство ученых к тому, чтобы обходить молчанием события недавней немецкой истории и, где это возможно, вычленять из общего хода развития Германии. Немецкие историки старались избегать тех тем, которые обладали каким-либо политическим зарядом, и сосредоточили свое внимание главным образом на проблемах универсальной истории.

Вместе с тем, это не снимало с ученых их обязанностей по осмыслению «глубины падения» Германии и необходимости преодоления трагического наследия прошлого. Надо отметить, что немецкая историческая наука уже имела опыт

«критического пересмотра» картины истории. Первый раз это было сделано сразу же после катастрофы 1918 года. Как раз утвердившийся тогда в историографии Германии ретроспективный взгляд на свою историю послужил основой того преодоления позорного прошлого, которое было предпринято после 1945 г.

Показательно, что первые шаги на этом пути были связаны с желанием окружить ореолом величия эпоху Второй империи, которая противопоставлялась диктатуре Гитлера. Во многом это соответствовало общественным настроениям немцев, для которых (на фоне революционных потрясений и военных поражений XX столетия) она казалась «золотым веком уверенности». «Национальная идея» в Германии оказалась чрезвычайно прочной. Поэтому историческая наука взяла на вооружение те традиционные концепции, которые издавна внедрялись в историческое сознание. Не были забыты старые идеи о «немецкой мировой миссии», о загадочности немецкого характера и особом призвании немцев. Именно Вторая империя во многом соответствовала идеалам государственной мощи, авторитета и твердого «порядка», которые в дальнейшем сменились социальной нестабильностью и в конечном итоге «национальным позором».

Однако новая ситуация, открывшая с крушением фашизма в Германии для ее народа возможность развития по демократическому пути, требовала корректировки старых идей. Уже в 50-е годы широкое распространение получила теория единства европейской цивилизации, которая приобрела в западногерманской историографии специфические черты. Показательна в этом плане «европейская интерпретация эры Бисмарка», предложенная Г.Ротфельсом. Ученый доказывал, что в своей политике Бисмарк, действуя в духе германских традиций, исходил из идеи объединения Европы, ибо полагал, что чем сильнее будет Германия, тем сильнее будет Европа. В то же время пропаганда тезиса «западной солидарности» увязывалась им с необходимостью борьбы против «коммунистической заразы». Являясь активным приверженцем доктрины тоталитаризма, которая идентифицировала большевизм и фашизм, Г.Ротфельс упрекал Гитлера в том, что тот открыл созданные Бисмарком плотины, через которые Красная Армия хлынула в Европу[1].

Итак, активная пропаганда идей «европейской солидарности» сочеталась с непримиримым отношением к попыткам бросить тень на политику Второй империи. Ученые ФРГ утверждали, что сохранение созданного Бисмарком порядка в Европе, обеспечивающего гегемонию его империи, требовало постоянного наращивания ее вооружений. Однако, по их убеждению, это было в интересах всех европейских народов, ибо Бисмарк действовал в духе осознания своей ответственности перед ними. В силу этого оправдывался и

пангерманизм, «как ответ немецкого народа на угрозу окружения», и милитаризм Германии, как «защитного вала» против разрушительных волн панславизма. Таким путем, на волне растерянности и тоски немцев по «великой Германии», историческая наука ФРГ пыталась достичь цели возвращения утраченного исторического сознания, преодоления у своих граждан безразличия и равнодушия к судьбам родины, воспитания их в духе «традиционного патриотизма».

Что касается собственно истории фашизма, то здесь внимание историков было сосредоточено, главным образом, на характеристике деятельности нацистского фюрера и его окружения. В ФРГ начинала складываться колоссальная литература о диктатуре, написанная в духе персоналистских традиций. Анализируя детали из жизни Гитлера и его психику, авторы пытались убедить читателя в том, что именно здесь, в сугубо личностной сфере, следует искать разгадку фашизма. Их исследования велись в русле общего стремления дистанцироваться от эпохи «коричневого тоталитаризма», объявив его «роковым недоразумением» в истории Германии.

Вместе с тем западногерманские ученые понимали, что разрыв преемственности и отсутствие традиций в послевоенной Германии создавали опасную пустоту и наносили серьезный удар по историческому самосознанию немцев. Это, на их взгляд, приводило к нарушению нормального порядка в обществе и к подрыву чувств национальной идентичности и патриотизма. Поэтому они ратовали за восстановление немецких традиций, за их активное воздействие на живущее поколение, ибо только при этом условии, по их мнению, было возможно возрождение Германии.

В свете указанных задач особую актуальность, наряду с «немецкой национальной идеей», приобрел вопрос о причинах «трагедии немецкого либерализма». В западногерманской историографии были сделаны первые шаги в осмыслении сути авторитаризма. Вывод о том, что в эпоху кайзеровской империи наблюдалось «оцепенение» политической жизни и что оппозиционные партии упустили тогда случай укрепить свои позиции в парламенте и использовать возможность для спокойного и постепенного расширения демократических основ государства, открывал перед историками новые перспективы. Они постепенно выходили на новые рубежи интерпретации прошлого, когда эмоции по отношению к нему отодвигались на второй план. Стремление к реабилитации фашизма любой ценой в конце 50-х — 60-е годы дополнилось попытками его глубокого анализа.

Начавшаяся в эти годы ревизия картины немецкой истории, без сомнения, среди прочих причин была обусловлена изменениями в менталитете общества. Появилось новое поколение немцев, которые активно интересовались своим

прошлым и его ошибками. В отличие от старшего поколения, которое по-прежнему составляло большинство населения и во многом определяло общественное мнение, они пытались найти истоки и причины катастроф Германии в двух мировых войнах. Поэтому для них не только история Веймарской республики, но и эпох Бисмарка и Вильгельма II потеряла очень многое из своего блеска и величия. Появились новые настроения и убеждения в том, что лишь пересмотр картины недавнего прошлого в самой ее основе, который беспощадно вскроет авторитарные черты кайзеровской империи и антидемократический настрой общества в период Веймарской республики, способен расчистить поле для нового демократического порядка в ФРГ, упрочение которого приведет в конечном счете к свободному консенсусу граждан республики.

Представители нового («социального») направления в западногерманской историографии официально декларировали свои намерения убрать идеологические препятствия на пути вживления в общественное сознание либеральных традиций западного образца. Их усилия привели постепенно к радикальной ревизии устоявшихся представлений об историческом развитии Германии в XX столетии. Ревизия началась с пересмотра причин поражения Веймарской республики и с анализа истоков национал-социализма. Историки надеялись на этой основе выявить в политике, идеологии и психологии немцев авторитарные традиции, которые привели к национальной катастрофе 1933 года.

Указанные «ревизионистские» устремления приобрели в 60-е годы в исторической науке ФРГ значительное влияние. Более того, количество работ «ревизионистов» было среди исторических исследований нацизма даже преобладающим. Однако это не означало закрепления данного подхода внутри академической системы наук. Он был подвергнут серьезной критике не только в обществе немецких историков, но и, в первую очередь, в общественном сознании. Уже в конце 60-х — 70-е годы наметились новые ориентиры национального менталитета. Как писал К.-Е.Айсманн, немцы не желали более изнурять себя только негативной критикой, а стремились вычленять и соразмерно подчеркивать позитивные аспекты своей истории[5].

Новые трактовки фашистского режима упрекали в том, что они несоразмерно остро и критично начали суд над немецким прошлым. С одной стороны, для «социальной» историографии ФРГ было неоспоримым то, что историческое исследование должно ясно ориентироваться на основные ценности демократического общества и объяснять события в свете этих ценностей. Более того, обоснование и пропаганда «рационально организованного демократического государства», освобожденного от авторитарных структур, являлись политическим кредо этого направления. Однако, в предста-

влении большинства немецких историков и населения ФРГ, они впадали в другую крайность. При всей правомерности критики фашизма «социальная история» вместе с тем, по их мнению, несоразмерно идеализировала действительное политическое и общественное развитие Западной Европы, которое как раз и послужило фоном для негативных оценок недавней истории Германии.

В эти годы особенно злободневно зазвучал призыв к новой национальной идентичности немцев, которая должна была опираться на их собственные исторические корни. Еще Ф.Майнеке сразу же после второй мировой войны говорил о том, что сама возможность самосохранения немецкой нации заключается в воссоздании «духовного контакта с другими европейскими народами»[3]. Для достижения этой цели он настаивал на необходимости обновления немецкого общества путем пересмотра не только традиционного образа истории, но и, прежде всего, основ традиционной немецкой идентичности. Последняя всегда определялась как национально-государственная, поскольку немцам было особенно свойственно отождествлять себя с нацией и ее воплощением — государством. Такая идентификация, наполнявшая немцев духом верноподданичества, являлась между тем эффективным рычагом в подготовке социально-психологической базы фашизма.

Поэтому с крушением авторитарного режима на повестку дня с необходимостью была поставлена задача преодоления национальной узости мышления. В послевоенные годы была четко осознана и сформулирована потребность в новой гуманистической идентичности. Изменения общественных настроений в 70-е годы вновь ярко высветили эту проблему. На пути преодоления авторитарных традиций все более отчетливо стала проявляться тенденция поворота от «национального нигилизма» к новому пониманию национализма. В Германии попытались дополнить европейскую картину истории и либеральный стиль мышления новой национальной идеей и новой национальной идентичностью. Их формула гласила: «Нация значит общество, общество значит нация»[4].

Таким образом, развернувшаяся в 70-е гг. полемика была нацелена прежде всего на то, чтобы ослабить «антинемецкие» аргументы «ревизионистской» историографии. В противоположность им был предложен «антидемократический» вариант объяснения немецкой истории, который вновь поднял на щит старые идеи и концепции. Поиски истоков и причин авторитарных традиций в Германии как и прежде велись за ее пределами. «Не дефицит либерализма и парламентаризма, — писал, к примеру, К.Хильдебранд, — а скорее их изобилие способно было причинить огромный вред Германской империи». Авторитарный режим был, по его

мнению, той ценой, которую вынуждена была платить Германия за сложное во всех отношениях местоположение в центре Европы[5].

Кульминационным пунктом тех процессов, которые привели к изменениям основных составляющих исторического сознания немцев, стал «спор историков», развернувшийся в ФРГ в 80-е годы. Начало этому спору, как известно, положила опубликованная в 1986 г. статья Э.Нольте «Прошлое, которое не желает уходить», само название, которое стало емкой формулой представлений об авторитарном режиме. В этой работе ученый уже не в первый раз провел параллели между фашизмом и сталинизмом, доказывая вторичность «коричневого тоталитаризма» по отношению к «красному», который объявлялся логическим и фактическим прологом нацизма[6]. Как раз она задала тон бурным и острым дебатам в исторической науке ФРГ, которые еще далеки от завершения, несмотря на то, что в полемизирующих лагерях произошло некоторое выравнивание позиций. Более того, «спор историков» следует рассматривать лишь как верхушку айсберга, который включает в себя разнообразие форм и направлений поисков утраченной истории и национальной идентичности всем западногерманским обществом. Его участники вновь попытались ответить на вопросы о причинах второй мировой войны и ее виновниках. Причем лейтмотивом полемики стал вопрос о том, как относиться к преступлениям фашизма и как наконец-то снять с немцев груз ответственности за них.

Необходимость примирения с нацистским прошлым осознавалась всем обществом. Вместе с тем «спор историков» высветил крайне широкий спектр подходов к решению этой задачи, который располагался между неофашистскими толкованиями, с одной стороны, и марксистскими — с другой. В правой части этого спектра считали, что общественное сознание должно быть освобождено от негативных воспоминаний о фашизме и исполнено гордости за былое величие Германии. Здесь были нацелены на преодоление болезненного восприятия нацистского прошлого в сознании граждан ФРГ, на укрепление их «нового национализма». Именно поэтому такие трактовки находили отклик и поддержку как среди ученых, так и в широких слоях населения.

В противоположном крыле «реабилитационные» трактовки фашистского режима признавались неверными и «вечно вчерашними». Однако, отмечая их политическую заданность, нельзя не обратить внимание на тот факт, что и «ревизионистские» интерпретации прошлого, критически освещавшие его в стандартах демократического общества, подошли к середине 80-х гг. к своей границе. Нужны были новые формулировки, та «золотая середина», которая позволила бы достичь общественного консенсуса.

Итак, «спор историков», без сомнения, был связан с попытками изменения стиля мышления и менталитета немцев, с поисками объекта для их «национальной консолидации». Показательна в этом плане работа М.Штюрмера «В поисках утраченной памяти», главной задачей которой было обоснование если не единой, то хотя бы «консенсусной картины немецкой истории»[7]. Он попытался «сделать безвредным» немецкое прошлое с помощью синтеза концепции «атлантической солидарности» с некоторыми националистическими и патриотическими идеями. Надо сказать, что его устремления нашли понимание в самых широких слоях населения ФРГ. Они упали в благодатную почву, поскольку немцы жаждали позитивной картины национальной истории, в которой каждый мог найти свое место и объект для идентификации.

«Спор историков» в 80-е годы со всей очевидностью показал, что менталитет немецкого общества в своей основе некритичен по отношению к прошлому. Было отмечено существующее противоречие между попытками ученых дать объективную картину истории немецкого фашизма, с одной стороны, и его оценками в историческом сознании широких слоев населения ФРГ — с другой. Проведенный в 1986 г. опрос общественного мнения свидетельствовал о том, что две трети граждан ФРГ не желали более слышать что-либо о преступлениях фашизма и хотели бы поставить крест на этом прошлом[8]. Как известно, в Германии с давних пор раздавались голоса в пользу того, чтобы подвести наконец-то какой-либо итог под «эрой тоталитаризма» и не побуждать более ученых заниматься этим вновь и вновь.

Сложившаяся ситуация поставила на повестку дня вопрос о ценности «здорового» исторического сознания, наличие которого позволит гражданам ФРГ «выйти из тени третьего рейха». Надежды на преодоление существующих противоречий связывались, прежде всего, с изменениями в историческом самопонимании немцев. И ведущая роль в формировании нового стиля мышления, в процессе «оздоровления» исторического сознания отводилась, безусловно, исторической науке и образованию. Вопрос о том, как совместить требования научной объективности с насущными потребностями времени остается для историков ФРГ крайне трудным и в 90-е годы. Поиски его решения продолжаются по сей день. Причем ситуация значительно усложнилась после объединения Германии, которое внесло новые нюансы в проблему «национальной идентичности» немцев.

В то же время самооценка предыдущего опыта исторической науки ФРГ на трудном пути преодоления авторитарного прошлого даст свои результаты. Попытки укрепить историческое самопонимание немцев при помощи реабилитации темных страниц их истории кажутся сегодня большинству

историков в высшей степени проблематичными. Конечно, — соглашаются ученые, — было бы проще начать немецкую историю с 8 мая 1945 г. Однако это недопустимо, поскольку нельзя просто стереть неугодные события и перечеркнуть тем самым длительные и непрерывные процессы развития Германии. Ведь независимо от того, желаем мы этого или нет, историческая сила подобных континуитетов продолжает существовать по сей день. Остается фактом то, что нельзя снять груза прошлого только благодаря личной непричастности к нему или просто позабыв о нем.

На пути оздоровления исторического самопонимания немцев ученые призывают учитывать его новую «демократическую ориентацию по западному образцу». Она должна вылиться в сознательный отказ от части немецких традиций не для того, чтобы стряхнуть со своих плеч груз прошлого, а для того, чтобы увидеть его в новых красках. И главное, чтобы обозначить новый, конструктивный путь развития своей страны, который не привел бы их вновь к неразрешимым конфликтам и катастрофам.

Исходя из этого, был сделан вывод, что знания об историческом бремени, которое немцы несут как нация, должны стать камнем в фундаменте новой демократической Германии. Лишь эти знания позволят гражданам ФРГ добровольно отказаться от авторитарных форм правления и принять новое государственное устройство как необходимое. Достоверная картина прошлого и разъяснение сути авторитарных режимов рассматривается поэтому одной из главных задач исторической науки и просвещения масс. Решение ее позволит, по мнению ученых, сохранить существующий сегодня консенсус общественных сил в ФРГ, убедить ее граждан в правомочности демократического пути развития.

Таким образом, после долгих метаний историческая наука ФРГ склонилась к тому, что «преодоление авторитарного прошлого» возможно лишь на пути осмысления всей меры тяжести преступлений фашизма и тех психологических установок, которые им способствовали. «Чтобы не допустить повторения прошлого, — пишет, к примеру, В.Моммзен, необходима полная правда о национал-социализме, которая станет опорой глубоких и прочных демократических традиций»[9]. Многолетний и трудный путь немецкой исторической науки к таким выводам, а также опыт Германии по преодолению авторитарного наследия, безусловно, заслуживают внимания в России, которая стоит перед подобными проблемами.

1. Rothfels H. Bismarck und das 19. Jahrhundert. Dusseldorf, 1950, S. 236,248.
2. Jesmann K. E. «Identität» statt «Emanzipation»? // Aus Politic und Zeitgeschichte. 17.05.1986. S. 7 16.

3. Meinecke F. Ausgewählter Briefwecksel. Bd.6. Stuttgart. 1969. S. 256.
4. Schieder Th. Typologie und Erscheinungsformen des Nationalstaates in Europa // HZ. 1966. Bd.20. H.1. S.58.
5. Hildebrand K. Staatskunst Oder Systemzwand? // HZ. 1979. Bd. 228. S. 642.
6. Vergangenheit, die nicht vergeht // Hrsg. von R. Kuhnl. Köln. 1987. S. 32-37.
7. Stürmer M. Die Suche nach der verlorenen Erinnerung // Das Parlament. 1986. Nr. 20-21. S. 1-23.
8. См. Rheinische Post. 10.04.1986.
9. Mommsen W.J. Geschichtsschreibung und geschichtliches Bewusstsein in der Bundesrepublik // Ziberal. 1987. H. 2. S.46.